

ДОКТОР БАХ

DR. BACH

ЛОМАНОВИЧ ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА
LOMANOVICH VALENTINA VIKTOROVNA

музыкант, скрипач, педагог (Москва)
musician, violinist, teacher (Moscow)

Ключевые слова: фестиваль, Бах, музыкальное восприятие, мастер, врачеватель.
Keywords: festival, Bach, musical perception, master, healer.

Аннотация. Баховский фестиваль в Лейпциге — явление само по себе значительное. За одиннадцать дней его проведения силами прекрасных музыкальных коллективов представляется широкая панорама огромного наследия Баха. Однако, в предлагаемой вниманию читателей статье «Доктор Бах» акцент поставлен на личностном, часто весьма субъективном восприятии музыки и философии композитора. Связи, образующиеся между произведением искусства и воспринимающим его, как и пути Господни — неисповедимы. Истинное произведение искусства — это всегда послание человечеству. Часто адресат и остается анонимным и абстрактным. Но, бывает, что адрес уточняется, и послание великого Мастера приходит на конкретный адрес конкретного человека. Тогда живший триста лет тому назад композитор может стать Учителем и Врачевателем.

Annotation. The Bach Festival in Leipzig is a significant phenomenon in itself. During the eleven days of its holding by the forces of excellent musical groups, a wide panorama of the vast heritage of Bach is presented. However, in the article "Dr. Bach" offered to the attention of readers, the emphasis is placed on the personal, often very subjective perception of music and the philosophy of the composer. The connections formed between a work of art and the perceiver of it, as well as the ways of the Lord, are inscrutable. A true work of art is always a message to humanity. Often the addressee remains anonymous and abstract. But, it happens that the address is specified, and the message of the great Master comes to a specific address of a specific person. Then a composer who lived three hundred years ago can become a Teacher and a Healer.

Июнь в Лейпциге. Солнце и цветущие липы, медовый запах которых заполняет улицы, церкви, концертные залы, магазины, рестораны. Влажный и деликатно-сладкий, он, как бесценное благовоние, готовит городскую сцену для ритуального действия: Баховского фестиваля. По брусчатке Николаиштрассе, которая начинается прямо от выхода из железнодорожного вокзала, каждый день спешат на утренние репетиции музыканты со своими инструментами, хористы, дирижеры, солисты... На фестиваль приглашено огромное количество разнообразных коллективов, как правило, очень высокого качества. Их выступления ждут во всех академических залах Лейпцига

и во всех знаменитых на весь мир церквях. Но и для любительских коллективов приготовлены площадки, на которых выступить — большая честь. Например, Марктплац, площадь перед городской ратушей, где выстроена сцена, оснащенная двумя большими экранами. Анонсированы концертные мероприятия даже в знаменитом местном зоопарке, а зал кабаре предоставлен для дискуссионных и лекционных панелей. Для большого праздника все готово, его все ждут с нетерпением, особенно после того, как из-за запершей всю планету на замок пандемии фестиваль был дважды отменен.

Дорогой читатель, не ждите подробного отчета о коллективах, концертных программах, исполнителях, уровне организации, дискуссионных платформах. Об этом напишут квалифицированные журналисты.

Зачем я в очередной раз приехала на Баховский фестиваль, почему среди большого количества разнообразных музыкальных фестивалей я опять выбрала именно этот? Я — учитель музыки, и мне просто профессионально, по долгу службы необходимо было много знать и быть в курсе всего, что происходит в музыкальном мире. Для этой цели фестивальный формат очень хорош: в одном месте, компактно, обширно, многосторонне, квалифицированно, на высоком, часто высочайшем артистическом уровне.

Но жизнь идет, учитель стареет, и наступает момент, когда обучение музыке учеников в «промышленных масштабах» остается в прошлом. Больше не нужно хозяйственного накопления знаний, которые могут когда-нибудь пригодиться. Можно не слушать то, что не нравится и не пытаться понять то, что никогда не будет включено в центральные орбиты твоего устоявшегося ближнего круга. Я ехала на Баховский фестиваль к моему Учителю. И просто на поклон и поучиться, послушать, то, что я еще не слышала, попробовать разобраться в том, что до сих пор не вполне ясно.

Билеты были куплены еще в феврале. Фестиваль начался девятого июня и закончился девятнадцатого. Я приехала накануне и попала еще до открытия на продолжительный марафон в Томаскирхе под названием «500 минут музыки Баха». Со следующего дня я каждый день была на трех-четырёх мероприятиях. Можете себе представить, сколько было прослушано музыки в исполнении скольких коллективов. Просто для справки: хор и оркестр Монтеверди под руководством сэра Джона Элиота Гардинера, Амстердамский барочный оркестр Тона Коопмана, Les Arts Florissants с дирижером Вильямом Кристи, знаменитый на весь мир хор мальчиков при церкви Святого Фомы, где Бах триста лет назад был кантором, выдающийся знаток клавирной музыки Баха Андраша Шиффа с первым томом Хорошо темперированного клавира, наш любимый Даниил Трифонов с «Искусством фуги» в Гевандхаусе... Это только для начала, продолжать список не буду. Ведь теперь количество прослушанного уже не имеет значения. Имеет значение то, что уточнит что-то в представлениях о твоей собственной жизни, а они ведь уже в целом сформировались. Хотя эти «уточнения» могут продемонстрировать ошибочность устоявшихся представлений. Такое тоже бывает.

Позволю своей памяти свободно дрейфовать по морю впечатлений от услышанного и увиденного и поделюсь с вами теми «уточнениями», которые прибило волной к моему берегу.

Дорога от церкви Святого Николая, где только что закончился концерт хора и оркестра сэра Элиота Гардинера с хором Монтеверди, до церкви Святого Фомы, куда я намеревалась пойти на концерт скрипачки Амандин Байер, занимает десять минут прогулочным шагом. И проходит она через Марктплац, Рыночную площадь. Площадь была заполнена народом, на выстроенной специально для фестиваля сцене шло представление. Билеты на него не надо было покупать, и люди приходили туда кто случайно, кто, будучи осведомленным о представлении более детально. Некоторые заблаговременно нашли себе место за столиками, расставленными там, и заказали пиво. Без такого заказа от стола могли и попросить. Большинство просто стояло. Пиво я не пью, да и времени у меня было минут пятнадцать до начала следующего концерта. На сцене был брейк-данс (на Баховском фестивале!). Я пребывала в возвышенном настроении от искусства сэра Гардинера и собралась было уже продолжить свой путь к Томаскирхе. Но вдруг услышала звуки любимой до-диез минорной фуги из первого

тома Хорошо темперированного клавира, поразившей мое воображение еще в далекие годы юности. Площадь большая, и издали казалось, что на сцене сидит за стареньким фортепиано немолодой пианист в поношенном пиджаке и играет для виртуозного танцовщика. На большом экране то, что вытворял этот танцовщик на сцене, было дано в замедленном движении. При такой технологии прыжок превращался в полет. Мальчик в белоснежном костюме переворачивался в воздухе и один из его кульбитов при замедленной съемке стал крестификсом Петра, потребовавшего распять себя вниз головой. Моя ли это фантазия или это замысел хореографа — я не знаю. Но моя давняя тайная догадка, что до-диез минорная fuga — это распятие, подтвердилась на Рыночной площади в Лейпциге, в проекте под названием «Летающий Бах».

Через несколько дней я пошла на концерт выдающегося исполнителя музыки Баха пианиста сэра Андриаса Шиффа. В программе его выступления был первый том Хорошо темперированного клавира, которому в этом, 2022 году исполняется триста лет. Бах завершил его, состоя на службе у князя Леопольда Кетенского в звании капельмейстера. Не скрою, было предчувствие, что история с летящим мальчиком в белом костюме будет иметь продолжение. Так и случилось. В первом томе, ноты которого я, конечно, принесла с собой на концерт, все прелюдии и фуги — шедевры, но до-диез минорная не оставляет, не отпускает всю жизнь. Я ее и ждала.

В далекой юности в классе общего фортепиано в любимой консерватории эта Прелюдия и fuga была «задана» мне преподавателем для экзаменационной программы в качестве наказания за прогулы занятий. Наказание впоследствии неожиданно оказалось наградой, которой дорожила всю жизнь. Экзамен проходил в одном из репетиториев общежития (в любимой консерватории тогда обвалились перекрытия корпуса Малого зала). Комиссия факультета ютилась у зарешеченного подвального окна, за которым часто сиживали мыши и слушали пассажи студентов. После экзамена моя учительница сказала мне, что комиссия была довольна и за фугу назвала меня Музыкантом (прелюдия не произвела на них большого впечатления). Такие комментарии мне были вполне понятны: моя музыкантская интуиция упрямо и тоскливо молчала и на Прелюдию никаким образом не отзывалась. В Fуге интуиция подсказала все. Разговоров на уроке о содержании произведения не помню, обсуждали, в основном, аппликатуру, голосоведение,

динамику. Такое время было. Сам факт допущения программного содержания в музыке Баха считался моветоном, и никто не хотел выглядеть простаком и провинциалом.

Наше поколение выросло под ленинским лозунгом: «Учиться, учиться, учиться». Всю жизнь, даже получив хорошее, как казалось, образование.

Недалеко от Великого Новгорода есть старинный Хутынский монастырь. Когда-то пришел туда, тогда еще в пустое, да и худое место, монах Варлаам и решил построить для начала часовенку, для того чтобы было где молиться. А для того, чтобы быть поближе к Богу, он решил наносить земли, чтобы часовенка стояла на возвышении. Носить землю было нечем, и он решил использовать для этого свою монашескую шапочку. Дал себе такой обет и за один раз приносил только то, что помещалось в шапочке. Долго носил, но обет свой выполнил и построил часовню на холме.

Сейчас, когда смелая и самонадеянная молодость осталась в далеком туманном прошлом, понимаешь, что для того, чтобы решиться на исполнение произведений Баха, надо было в маленькой монашеской шапочке столько земли наносить, чтобы заполнить ею огромный каньон невежества и навсегда расстаться с самоуверенностью, что уж ты точно знаешь, как играть Баха. Не спасает даже хорошее знание всех риторических фигур, которые без особого труда находишь в тексте: вот чаша страданий, вот мотив предопределения, вот крестная мука. Ведь это символы, а символы — субстанция многозначная. Павел Флоренский писал: «Символ сам по себе еще не есть музыка, но станет таковою лишь после контрапунктической разработки его нашим духом, и притом — непременно личной, непременно всякий раз, хотя бы воспроизводимой — но творчески».

Белый, летящий на Рыночной площади вниз головой мальчик, уточнил в фуге все, вплоть до каждого определенного такта. И fuga превратилась в мучительное кино, где на экране видишь все, как было, когда история человечества остановилась и, выждав в неопределенности пару-тройку веков, пошла другой дорогой.

Пять раз прошла первая тема, лаконично выраженная риторической фигурой крестной муки. В канонических фугах такое не поощряется: fuga — жанр консервативный, голосов должно быть четыре. Это предупреждение. То, о чем повествует fuga в до-диез-миноре из первого тома Хорошо темперированного клавира — событие неординарное, случающееся с человечеством раз в тысячу лет. И

потянулись часы, как вечность. В тридцать шестом такте появилась вторая тема, что тоже большая редкость для классических фуг. Медленно закружилась «чаша страданий». В сорок девятом такте появилась третья тема — риторическая фигура «Дасбудется воля Твоя, а не моя». Появление третьей темы — тоже из ряда вон выходящее событие. «Около девятого часа возопил Иисус громким голосом: «Эли, Эли! Ламма шавахфани! (Боже мой, Боже мой! Для чего ты меня оставил!)». Произошло это в девяносто втором такте в девятом проведении второй темы фуги, риторической фигуры «чаша страданий». После это началась стретта, тема «чаша» больше не появлялась, события стали развиваться как в рапиде. В сто восьмом такте копье Лонгина пронзило Иисуса: «Свершилось». И в сто двенадцатом такте Христос испустил дух. «Отче! В руки твои передаю Дух Мой. И, сие сказав, испустил дух». На наших глазах был убит Бог.

Над брошенными погостами
Останется мыслить камень.
К Тебе возвращаюсь, Господи.
Amen.

Но это не все. Между нотными строчками Прелюдии тоже проступили невидимые симпатические чернила ее сокровенного содержания. Прелюдия — это последнее свидание Иисуса с Матерью. Теперь мне понятно, почему мое исполнение Прелюдии не произвело особого впечатления на членов экзаменационной комиссии кафедры общего фортепиано любимой консерватории. Потому что мне и в голову тогда не приходило, что за грациозной фактурой Прелюдии может скрываться грация Непорочной Девы, Святым духом получившей великого сына и обреченная вынести его мучительную смерть.

Вот такое уточнение произошло летним июньским вечером на Баховском фестивале. Я, наконец, поняла, ЧТО играла всю жизнь с такой любовью и почтением.

В программке концерта сэра Андраша был напечатан фрагмент интервью с ним. Там были такие строки:

«Как исполнителя, музыка (Баха) делает меня смиренным и благодарным».

Не могу не привести некоторые фразы из текстов, «раскрывающих содержание Прелюдии и фуги до-диез минор», множество подобных «откровений» вы до сих пор легко найдете в общедоступных источниках, как будто бы и не было огромной духовной работы светлых личностей, учававших и познававших музыку Баха и оставивших нам результаты своих трудов.

Особенности ладо-гармонического склада фуги

Возникновение обширного экспозиционного типа тонико-доминантового массива

Сфера наибольшей гармонической неустойчивости

Тема динамизирована оригинальным способом тематических проведений

Органные пункты в басу собирают «рассущенные (!) линии»

О чем это они? О до-диез-минорной Прелюдии и фуге? Коллеги, разрешите с вами не согласиться. Уверена, что Бах имел в виду другое, сочиняя эту музыку.

Следующий эпизод «уточнения» тоже связан с Рыночной площадью. В программе фестиваля было два исполнения Страстей по Иоанну: первое — в церкви Святого Фомы во вторник 14 июня и второе — на Рыночной площади 12 июня. Первое, академическое в версии 1749 года в исполнении хора и оркестра Баховского общества Святого Галлена под руководством Рудольфа Лутца, прослушала от первой до последней ноты, а второе, как всегда, на пути с одного завершившегося концерта на следующий, задержавшись на Рыночной площади на пятнадцать оставшихся свободных минут. Как всегда, площадь была заполнена народом. Время вечернее, жарко, все пивные столики были заняты, как и все сидячие места в окружающих площадь разнообразных кафе. На сцене было всего три человека: Евангелист, который исполнял и все остальные вокальные партии, ударник с разнообразным набором инструментов, человек-оркестр и пианистка, скорее, клавиристка, исполнявшая партии чембало и органа. Проект назывался «Страсти по Иоанну на троих (второе?)». А где же хор?

Вот тут я и перехожу к «уточнениям», как я называю некоторые факты и впечатления, которые могут укрепить вас в жизненных убеждениях или, наоборот, сильно их потревожить, что тоже не так уж и плохо. А хор был на площади. Все эти люди, сидевшие за столиками с обильным запасом пива,

и не успевшие занять место, стоящие группами и поодиночке, случайные прохожие, такие же как я, лавировавшие в толпе на пути к Томас-кирхе. В Страстях по Иоанну много хоралов, в версии 1749 года их двенадцать. В соответствующий момент по партитуре на больших экранах появлялись нотные тексты хоралов со словами и ВСЕ, КТО БЫЛИ НА ПЛОЩАДИ, вполне слаженно их пели. Под руководством Евангелиста, Иисуса, Пилата, анонимных солистов — в одном лице. Там я услышала вот такой хорал:

O grosse Lieb, o Lieb ohn alle masse,
Die dich gebracht auf diese Marterstrasse!
Ich lebte mit der Welt in Lust und Freuden.
Und du musst leiden.

Оригинальность замысла, виртуозное мастерство этих трех храбрецов, все это было очевидно. Но то, что люди, стоящие на Рыночной площади, входили в священное здание Пассионов, как к себе домой и чувствовали себя там вполне уютно, произвело впечатление. Для них хоралы, как для нас песня «Во поле береза стояла». Мы тоже готовы ее спеть в любое время и в любом месте. Впрочем, умение более или менее точно спеть народную песню (а многие хоралы и были народными песнями, только с измененными словами) не является еще гарантией, что это умение приведет их к глубинному пониманию музыки Баха. От нестройного или даже стройного исполнения песни «Во поле береза стояла» до четвертой части Четвертой симфонии Петра Ильича Чайковского тоже — долгий путь. Но сам факт участия в столь грандиозном действе и внесения своей скромной лепты в общее дело давало поющим на площади людям ощущение своей нужности и сопричастности.

Несколько больших концертов на фестивале были объединены одной темой: Lamenti, Погребальная музыка, музыка на уход близких и любимых людей. Но акцент, сделанный на такого сорта музыке, не утяжелил атмосферу фестиваля, потому что отношение к смерти во времена жизни Баха было другое, оно просто должно было быть другим. Если уж Иисус Христос в своей земной жизни умер мучительной смертью, то обычному человеку грешно было желать для себя другой участи. По крайней мере, так внушалось каждому человеку с рождения. Ведь после смерти ожидалась долгожданная встреча с Христом. Поэтому смерть была как раскрывающаяся дверь в иную прекрасную жизнь.

Музыку для погребальных процессий писали многие композиторы. Почти все многочисленные родственники Баха на протяжении нескольких поколений были музыкантами. И те, которые служили в церкви, просто обязаны были сочинять музыку на уход в мир иной. На фестивале были исполнены произведения такого рода, написанные родственниками Баха старшего поколения Иоанном Кристофом Бахом (1642–1703) и Иоганном Бахом (1604–1673). Как правило, траурная музыка писалась на трогательные тексты:

O Jesu Christ, meins Lebens Licht,
Mein Hort, mein Trost, mein Zuversicht.
Auf Erden bin ich nur ein Gast
Und druckt mich sehr der Sunden Last.

Спрос на такую музыку был большой. В семье Баха, который сам потерял обоих родителей в раннем детстве, например, из двадцати рожденных детей умерло одиннадцать. Его первая жена, Мария-Барбара (ее девичья фамилия была тоже Бах, она была троюродной сестрой Иоганна Себастьяна) умерла неожиданно, когда Баху было тридцать пять лет, а ей на пару лет больше. И в других семьях статистика была такая же печальная. Хор мальчиков, учившихся под руководством кантора Томас-кирхе Иоганна Себастьяна Баха, регулярно должен был вне зависимости от погоды, сопровождать траурные процессии. Эта регулярность, к их сожалению, нарушалась в зависимости от времени года. В плохую холодную погоду людей умирало больше, больше был и заработок недокормленных и плохо одетых хористов. Хорошая погода была невыгодна.

У Баха тема ухода в мир иной появляется и в инструментальной музыке. Догадаться, что ты играешь такую музыку, бывает порой сложно, у нее

ведь нет конкретного названия и текста. Например, вторая часть ля-минорного скрипичного концерта — музыка *неземной* красоты, *неземной* — в прямом смысле слова. В представлении религиозного человека того времени смерть являлась лишь началом неслыханного и невообразимого Преображения Души и воссоединения ее с Богом. Но воображение все-таки работало. Наверное, все-таки каждый человек так или иначе представлял себе в тайных размышлениях свой Полет в Вечность. У всех получалось по-разному, но архангельские трубы, мистические серафимы, шелест крыльев ангелов с их чарующими арфами и флейтами, ароматы разреженного воздуха Божьей обители, приветливость Петра у ее дверей были обязательными атрибутами этих тайных фантазий. В скрипичном Концерте это все есть: и онемевшая от робости Душа, представшая перед святыми и ангелами, и неспешный полет, и удаляющаяся Земля с родным домом, и восторг от открывшейся новой Жизни и даже полет ангелов ввысь по соль-мажорному арпеджио.

На одном из концертов 10 июня в Николаи-кирхе были представлены несколько произведений разных композиторов, исполненные хором и оркестром под управлением выдающегося знатока музыки Баха сэра Элиота Гардинера, чье детство прошло под пристальным взглядом Иоганна Себастьяна. Знаменитый портрет композитора висел в родном доме Гардинера, попав туда сложным путем. Этот портрет, чрезвычайно активная музыкальная жизнь семьи и талант юного Элиота — все это определило будущее знаменитого музыканта. В программе концерта были произведения Шютца, Шайна и Иоганна Себастьяна Баха. Музыкальный проект под названием «Musicalische Exequien».

Следуя заветам Лютера, протестантская церковь старалась подготовить своих прихожан к смерти, успокоить их и уверить в том, что их уход будет покойным, достойным и красивым. Лютер сам писал музыку, и его требования к погребальной музыке были очень простыми — это должна быть очень красивая музыка.

Вот и на этом концерте все произведения прежде всего были красивыми, можно было просто слушать, не пытаясь хорошо расслышать текст. В конце программы было исполнено редко играемое произведение, до сих пор вызывающее множество вопросов у ученых баховедов. Оно называется Motette «O Jesu Christ, meins Lebens Licht» (BWV 118) для четырехголосного хора двух лютней, медных, трех литавр и Basso continuo. Некоторые ученые думают, что это могла бы быть

часть кантаты, другие утверждают, что это самостоятельное произведение. Для кого оно было написано, никто не знает. Чем дальше развивалась музыкальная мысль совсем молодого Баха (ему было двадцать два года, когда он закончил это произведение) тем яснее было, что эта музыка, скорее всего, для всего человечества, которое непрерывным и непрекращающимся потоком покидает в свое время Землю, легко оставляя ввиду тяготы, лишения, огорчения, болезни, обиды, разочарования, предательства, зависть, злобу, одиночество, непонимание, ложь, глупость, трусость, бахвальство, наглость, ложь, несправедливость, клятвопреступничество, обман... и в едином порыве, в переливающимся синим, голубым и сиреневым, громогласном, прохладном и влажном эфире поднимается все выше и выше в состоянии непереносимого счастья и восторга...

Когда последние звуки исчезли в каменных пальмовых листьях капителей колонн Николаи-кирхе, мы с сидящим рядом неизвестным мне мужчиной, не сговариваясь, повернулись друг к другу и молча, глазами, согласились с тем, что присутствовали при чем-то неслыханном, при осуществленной мечте человечества о мире и справедливости для всех. Такие чувства трудно держать в себе, ими хочется делиться. Состояние эйфорического счастья держалось какое-то время, потом до меня дошло, что это была погребальная музыка.

Своим друзьям по возвращении я рассказывала, что поездка произвела на меня терапевтический эффект. От чего же я излечилась?

Как-то одна моя приятельница сказала мудрую фразу: «Каждый имеет право выбрать себе учителя и врача». Просто и точно. Правда, не всегда и не всем удается осуществить этот выбор по своему желанию, по разным причинам. Бывает, и довольно часто, что приходится довольствоваться тем, что есть. Случилось так, что живший более трех веков назад немецкий музыкант, композитор, мыслитель, отец большого семейства, педагог, общественный деятель, ведающий всей музыкальной жизнью торгового города Лейпцига, да и просто любящий жизнь человек, давно уже стал для меня и Учителем, и Врачом.

Учит он, кроме непревзойденной музыкальной премудрости, понимать людей и разбираться в себе, а лечит от душевной усталости, уныния, разочарований и обид, прописывая правильное личностное масштабирование и свою музыку, исполняя которую, чувствуешь, по словам сэра Андраша Шиффа, смирение и благодарность.